

ПОДВИГ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья Б. А. Б я л и к а

I

В газетах, которые вышли 22 июня 1941 г., когда на советской земле уже рвались вражеские бомбы и снаряды, когда ее уже топтали сапоги фашистских солдат, страна была отражена в своем вчерашнем мирном бытии.

Воскресный номер «Правды» открывался передовой статьей «Народная работа о школе», рядом с которой была помещена обширная подборка сообщений из республик и областей о передовиках социалистического соревнования; на третьей полосе шла корреспонденция из Карагандинской области «Травы переставляют...» и другая информация с трудового фронта; почти целую полосу занимала философская лекция «Свобода и необходимость», а под рубрикой «К 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова» была опубликована статья Ираклия Андроникова о стихотворении «Бородино».

Таким же миром дышали в тот день, уже взорванный страшным сообщением по радио, все газеты, даже военная «Красная звезда».

Правда, на газетных полосах занимало свое место и слово «война». В том же номере «Правды» от 22 июня мы находим на пятой полосе информацию под заголовками: «Действия германской и английской авиации», «Война в Африке и на Средиземном море». Здесь же, в разделе «В последний час», газета поместила «Коммюнике командования английских сил на Ближнем Востоке», «Германские сообщения о положении на Ливийско-Египетском фронте», «Военные действия в Китае» и другие сообщения иностранных агентств печати о военных действиях в разных районах земного шара. Однако выглядело это так, словно речь шла о чем-то не менее далеком, чем Бородинское сражение. Вторая мировая война была сама по себе, а мы сами по себе.

Когда перечитываешь сейчас номера газет, вышедшие 23 июня 1941 г., кажется, что они отдалены от тех, что вышли днем раньше, не двадцатью четырьмя часами, а целым историческим периодом. И дело не только в публикации первых официальных сообщений о начавшейся войне: Правительственного заявления о вероломном вторжении фашистских полчищ в пределы Советского Союза, Указов Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», «Сводки Главного командования Красной Армии за 22. VI—1941 года» и т. п. Сразу стал иным весь характер, тон, даже самый язык наших газет, словно за один день сменились все редакции и, главное, все авторы. И в этой перемене одну из решающих ролей сыграли писатели. В грозный час, когда музы должны были, согласно старому изречению, умолкнуть, — они заговорили громче, чем когда бы то ни было. Можно без всякого преувеличения утверждать, что стихи, очерки, художественная публицистика сразу заняли место на переднем крае всей нашей печати.

23 июня в «Правде» публикуется стихотворение Алексея Суркова «Присягаем победой»:

В нашу дверь постучался прикладом непрощенный гость.
Над Отчизной дыханье грозы пронеслось.
Слушай Родина! —

В грозное время войны
Присягают победой твои боевые сыны.

.....

Бить фашистов,
Не зная пощады в борьбе,—
В первый день испытанья,
Отчизна, клянемся тебе.

Здесь же — стихотворение Н. Асеева «Победа будет за нами», которое начиналось сходными образами:

Война в наши двери стучится,
Предательски ломит в окно,
Ну что же — ведь это случится
Когда-нибудь было должно.
Об этом и в песнях мы пели,
И думали столько годов...

Уже 24 июня — на третий день войны — миллионы людей читают в «Известиях» исполненные гневной страсти строки «Священной войны» В. Лебедева-Кумача (положенные на музыку, эти стихи в сущности стали гимном Великой Отечественной войны), а 25 июня — в «Правде» — «Песню смелых» А. Суркова. 26 июня статьей «Гитлеровская орда» начинает И. Эренбург на страницах «Красной звезды» боевое дело разоблачения врагов, засекая, подобно разведчику-корректировщику, мишени (его статья «СС» кончалась так, как могли бы кончатся многие его выступления: «Товарищ, не промахнись!»). 27 июня «Правда» публикует статью А. Толстого «Что мы защищаем», открывшую его военную публицистику. Перелистываешь страницы газет первых дней войны — московских, ленинградских, киевских, любых, — и сразу бросаются в глаза строки стихов и прозы П. Тычины, М. Шолохова, С. Маршака, Н. Тихонова, П. Павленко, В. Вишневского, Ю. Яновского... Невозможно даже просто перечислить всех тех писателей, голос которых зазвучал с самого начала страшного испытания — зазвучал мужественно, сурово, призывно.

В первый же день войны в Москве состоялся митинг писателей, на котором выступили А. Фадеев, Вилли Бредель, С. Мстиславский, Р. Азарх, А. Жаров и др. В принятой резолюции были такие слова: «Каждый советский писатель готов все свои силы, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против врагов нашей Родины!» И это не были только слова. На фронт — в качестве сотрудников дивизионных, армейских, фронтовых, центральных газет, в качестве бойцов народного ополчения, солдат и офицеров армии и флота — ушло более 1000 членов Союза советских писателей. Немало из них раньше было признано физически полностью негодными для несения воинской службы. А. Гайдару пришлось выдержать настоящий бой с врачами, не пускавшими его на фронт из-за старой тяжелой контузии; такие же трудности пришлось преодолеть Ю. Инге, больному туберкулезом; Дж. Алтаузену не помешала стать военным журналистом и воином болезнь сердца. Нельзя без волнения читать публикуемые в этом томе «Литературного наследства» письма и документы, освещающие военный путь Э. Казакевича. Освобожденный по состоянию здоровья от строевой службы, писатель «убегает» из находящейся в тылу редакции военной газеты в Действующую армию и становится мужественным офицером разведки. А его, да же после награждений и ранений, разыскивают, преследуют, хотят наказать за «бегство» (об этом читаешь уже не просто с волнением, а с недоумением и горечью).

Можно назвать и других писателей, которые, подобно Казакевичу, уходили из редакций в боевые части (это не было уходом от творчества, — разве родилась бы потом повесть «Звезда», одно из классических произведений советской литературы, если бы не то «бегство»?). С другой стороны, многие солдаты и офицеры приходили в те годы в литературу. Чаще всего пришедшие оставались в строю, но иногда они вынуждены были «профессионализироваться» еще на фронте: так С. Гудзенко, начав войну в рядах

М. А. ШОЛОХОВ И А. А. ФАДЕЕВ НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ

Фотография М. М. Калашникова. Западный фронт, 19 армия. 4 сентября 1941 г.

Собрание П. Д. Корзинкина, Москва

десантников, стал после ранения, в последний год войны, работником редакции фронтовой газеты «Суворовский натиск».

Выше тысячи членов Союза советских писателей ушло на фронт, и около четырехсот из них не вернулось: погиб каждый третий. Прикрывая огнем ручного пулемета отход группы бойцов, пал Ю. Крымов. Наверное, А. Гайдар мог бы уклониться от очереди немецкого автомата, но тогда он не успел бы предупредить своих товарищей-партизан об опасности. Б. Лапин не вышел из окружения вместе с другими, а остался на верную гибель, чтобы его тяжело раненному другу З. Хацревину не пришлось встретить самое страшное одному. Отказался вылететь на самолете из окружения и погиб в бою Д. Алтаузен. Вместе со всем экипажем подводной лодки остался на морском дне А. Лебедев. О том, как встретил смерть в фашистском застенке Муса Джалиль, — знает весь мир. Можно было бы продолжить этот скорбный и гордый список — список героев.

Большинство писателей и журналистов, проливших свою кровь на фронтах Отечественной войны, пролило ее при исполнении «обычных» обязанностей военных корреспондентов. Эти обязанности были сами по себе очень трудны, а порою и опасны. В истории редакции фронтовой газеты «Красная Армия» был черный день, когда она потеряла семнадцать человек. Редакция другой фронтовой газеты — «За Родину» — знала и дни потерь, и дни, которые, окончившись благополучно, оставили после себя очень тяжелую память. В августе 1941 г., на разъезде Рядчино, рядом с поездом, в котором находилась походная типография газеты «За Родину», стал рваться подоженный немецкими самолетами железнодорожный состав со снарядами. Сотрудникам редакции пришлось в течение нескольких часов расцеплять и оттапливать руками от опасного места вагоны. На следующий день очередной номер газеты вышел, как всегда.

Еще труднее приходилось редакциям армейских и особенно дивизионных газет, — обо всем этом можно прочесть в обзорах, дневниковых записях, воспоминаниях, публикуемых в настоящем томе «Литературного наследства». Читатель найдет здесь и очерк Н. Новоселова «Взвод писателей» о выходившей в июле — сентябре 1941 г. газете 1 Кировской дивизии Ленинградского народного ополчения, и «Берлинский дневник» поэта В. Субботина, сотрудника газеты «Воин Родины» — газеты 150 дивизии, взявшей штурмом рейхстаг. Проста, деловита запись, сделанная В. Субботиным 1 мая 1945 г. после гибели редактора В. Белова и ранения двух сотрудников: «Нас осталось мало, но газету выпускать надо...»

В «обычную» жизнь военных корреспондентов входило и участие в боевых вылетах авиации (результатом одного из полетов Б. Полевого на бомбардировщике дальнего действия был его очерк, опубликованный в июне 1942 г. в «Правде», «Над мертвым Ржевом»), и участие в глубоких рейдах наших отрядов по тылам врага, в морских десантах и т. д., и повседневная, требовавшая напряжения всех душевных и физических сил корреспондентская и редакционная работа.

О трудностях и опасностях работы военных корреспондентов надо было вспомнить не для того, чтобы изобразить всех писателей-фронтовиков героями. Подвиги совершили немногие, но большинство честно выполнило свой долг. Однако именно потому, что большинство честно выполнило долг, произошло все то, что дает право говорить о подвиге советской литературы. Этот подвиг заключался в том единодушии, с каким почти все советские писатели не только разделили участь воинов, отбивавших напор озлобленного врага, но и взяли на себя задачу величайшей ответственности: продолжить в годину грозного испытания, когда дело шло о жизни и смерти Советского государства, о будущем всего человечества, о судьбе коммунизма, свою работу воспитателей мыслей и чувств народа. Ни одна страна, оказавшаяся во вторую мировую войну на пути гитлеровских полчищ, не получила от своей литературы такой единодушной и самоотверженной поддержки, как наша, такого заряда боевой энергии, непримиримости, ненависти к фашизму.

Конечно, в том, что писали тогда художники слова, многое не претендовало на большее, чем выполнение совершенно конкретных, иногда очень частных задач дня и часа. Но и произведения, решавшие такие задачи, далеко не все утратили к нашим дням силу воздействия на читателя. А в свое время их роль была очень велика, даже если они

лишь громко оповещали о подвиге, лишь «величали» отличившегося воина. Прочесть о себе стихи или очерк в газете — это было не менее дорого, чем получить боевую награду, и это радовало не только самого героя произведения, его родных и друзей, но и весь его батальон, полк, дивизию. Вот почему не прав был А. Фадеев, когда в докладе на совещании редакторов фронтовых и армейских газет в июле 1943 г. упрекнул М. Светлова за стихотворение «Слава бесстрашному», опубликованное в армейской газете «На разгром врага», — стихотворение, в котором «обыгрывалась» фамилия пулеметчика-зенитчика Грома и в котором были, например, такие строки:

Фашистам путь пересекая,
Вступает Гром в неравный бой,
Фамилия его такая,
Характер у него такой.

А. Фадеев по поводу этого стихотворения сказал, что М. Светлов «взял фамилию и на фамилии все построил. Конечно, здесь нет ни раскрытия сущности героизма, ни характера человека, ни стимула его поведения — нет индивидуальности человеческой». Всего этого здесь действительно нет, в отличие, скажем, от светловской «Лизы Чайкиной». Но и задача была в данном случае совсем иная, гораздо более скромная и вполне оправданная. Такую же скромную и столь же оправданную задачу решал С. Щипачев в стихотворении «Арсений Дмитриев», напечатанном во фронтовой газете «За Родину», а затем включенном в сборники произведений поэта, вышедшие в годы войны:

...Тебя, боец воздушного простора,
Твою повадку в небе узнаем,
Родное сердцу пение мотора
Я слышу в русском имени твоём.

Тобой сбитых «Хейнкелей» считая,
Я вижу вновь обломки, пламя, дым.
Легко твоя фамилия простая
Ложится в песню словом золотым.

М. Светлов как бы заранее отвечал на упрек А. Фадеева в своей «Застольной армейской», опубликованной в газете «На разгром врага» в марте 1943 г., — отвечал, говоря о будущем:

...И улыбнутся лица милые,
И вспомним мы свои дела,
Как нас Победа по фамилии
На подвиг каждого звала.

Сейчас некоторые произведения военной поры нуждаются в пояснениях: чтобы оценить по достоинству их воздействие на читателей, надо мысленно перенестись в ту обстановку, в которой они создавались. Это относится, например, к опубликованному в декабре 1941 г. в газете «За Родину» стихотворению М. Матусовского, где были такие строки:

Здесь солнце светится нечетко,
И ветер из конца в конец.
«Антифашистская погодка!» —
С улыбкой говорит боец.

Только вспомнив о том, как испугала гитлеровцев, не сумевших осуществить блицкриг, первая военная зима, можно понять, почему выражение «антифашистская погодка» сразу вошло в обиход, сделалось «фольклорным». И только вспомнив о том, какие расчеты стали строить гитлеровцы на приближающейся весне 1942 г., можно ощутить всю остроту «календарных» стихов С. Щипачева:

Пусть все сильнее фронты гремят, сверкают
Над снежной мартовской голубиной,
Смешно подумать: немцы нас пугают,
Пугают нашей русской весной.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ЛЕНИНГРАД ПРИНИМАЕТ БОЙ

ГОСЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД
1943

«ЛЕНИНГРАД ПРИНИМАЕТ [БОЙ]»

Сборник военных очерков и статей
Н. С. Тихонова. Л., Гослитиздат, 1943
Обложка по рисунку В. В. Морозова

Поэты создавали песни и марши для отдельных бригад и дивизий. И. Эренбург написал немало статей по заказам армейских и фронтовых газет, — статей, в которых шла речь о героях данных фронтов и армий. Писателям приходилось выполнять и такие задания, которые не имели прямого отношения к их специальности: писать или литературно обрабатывать памятки, листовки, инструктивные материалы чисто военного характера. Так, например, критик А. Тарасенков написал брошюру о способах борьбы против вражеских танков. Вспоминая в 1944 г. на собрании ленинградских писателей о днях блокады, Н. Тихонов говорил: «Были дни, когда листовка была важнее рассказа, важнее любой поэмы...»

Все это надо перечитать, изучить, оценить по достоинству. Как жаль, что у нас пишутся десятки диссертаций на одни и те же темы, об одних и тех же лежащих у всех перед глазами книгах, и нет желания, нет вкуса к тому, чтобы порыться в подшивках военных газет и в документах военных архивов — в тех литературных «однодневках», на которых горят отблески великих битв. Ведь надо же разобраться в том, почему созывались специальные заседания Военных советов армий для «заслушивания стихов» того или иного поэта и почему некоторые стихи и публицистические статьи вызывали такой взрыв ярости во вражеском стане, что о них говорилось в специальных секретных приказах по германской армии (а иногда с опровержением выступал «сам» Геббельс). Это важно понять не только историкам, но и тем, кто изучает художественное творчество военной поры, ибо от указанного рода литературных материалов тянулись нити к произведениям гораздо большего значения. Первые играли по отношению ко вторым роль первоначальных набросков, зарисовок, этюдов, имевших ту особенность, что они не оставались в творческой лаборатории писателя, а приобретали самостоятельное значение и делали свое важное дело.

Не следует думать, что все это говорится для того, чтобы оправдать художественные недостатки и слабости литературы военных лет. Она не нуждается ни в каких

«оправданиях». Менее чем за четыре года было создано столько художественно яркого и ценного, что есть все основания говорить о расцвете литературы в те труднейшие годы. Одним из источников этого расцвета было то обстоятельство, что все, происходившее на войне, настойчиво требовало немедленного поэтического, художественного «подтверждения». Трагическая эпопея осажденного Ленинграда неотделима в сознании миллионов людей от повседневного литературного подвига О. Берггольца, Н. Тихонова, Вс. Вишневского, В. Кетлинской, В. Инбер и других писателей; к радиопередачам «Говорит Ленинград» прислушивались все фронты, вся страна, весь мир. Насколько беднее было бы представление нашего народа и всего человечества о Сталинградской битве — об этом поворотном пункте войны и одном из поворотных пунктов истории — без произведений В. Гроссмана, К. Симонова, В. Некрасова, М. Луконина и других! Вспоминая о героическом гарнизоне Ханко, мы сразу вспоминаем и о поэзии М. Дудина. А оборона Севастополя, оборона Одессы... Да какое из сражений Великой Отечественной войны не имело своих изобразителей и певцов?! Писать историю этой войны без истории ее художественной литературы — значит заведомо обрекать создаваемую картину на неполноту.

Да, советская литература переживала в ту труднейшую пору замечательный подъем. Многие молодые художники слова, такие, как К. Симонов, Б. Горбатов, А. Кулешов, О. Берггольц, М. Алигер, В. Кожевников и другие, впервые нашли в те годы дорогу к сердцам миллионов читателей. По-новому зазвучали тогда голоса многих выдающихся мастеров слова — Н. Тихонова, М. Светлова, П. Антокольского... Этот список должен включить в себя десятки имен. Разве можно сегодня по достоинству оценить советскую и мировую художественную публицистику, забыв о созданных в годы войны статьях и памфлетах И. Эренбурга, А. Толстого, Л. Леонова, А. Исаакяна, Вс. Вишневского, Б. Горбатова, Я. Галана и других? Можно ли сегодня охарактеризовать жанр очерка, обходя «Направление главного удара» В. Гроссмана и другие очерки его

Борис Горбатов

НЕПОКОРЁННЫЕ

(Семья Тараса)

«НЕПОКОРЁННЫЕ»

Первое издание повести Б. Л. Горбатова
М., Гослитиздат, 1943

Обложка

*Огиз
Гослитиздат
1943*

и его многочисленных товарищей по этому виду литературного оружия? Жанр рассказа в ту пору поднимался на высоту «Науки ненависти» М. Шолохова и «Русского характера» А. Толстого. А песни? Песни, созданные в военные годы советскими композиторами на тексты М. Исаковского, А. Суркова, Е. Долматовского, А. Фатьянова и других, поются до сих пор, напоминая новым и новым поколениям о том, о чем нельзя забывать. И развивались тогда не только «малые», «оперативные» жанры — каждый назовет созданные в годы войны, но волнующие нас и сегодня поэмы, повести, романы, пьесы¹.

Об уровне литературы судят по ее вершинам. О силе литературы Великой Отечественной войны позволяют судить такие произведения, как «книга про бойца» А. Твардовского. Эта книга стоит в одном ряду с крупнейшими произведениями нашей эпохи и уже заняла по праву принадлежащее ей место в истории советской литературы. Из всех сопоставлений, которые делались при оценке «Василия Теркина», пожалуй, самым основательным является сопоставление с «Легендой об Уленшпигеле и Ламме Гудзак» Шарля де Костера. Действительно, А. Твардовский, как и де Костер, сумел создать образ огромного исторического и неповторимо-национального значения — образ героя, вобравшего в себя всю энергию народной борьбы за свободу и независимость своей родины и за победу света над жестокой, изуверской силой тьмы. Но сразу бросаются в глаза и отличия. Они не только в разнице исторических эпох и мировоззрений авторов. Они и во многих особенностях созданных ими художественных типов, в том, например, что А. Твардовский уже воплощает идеалы народа и его повседневное бытие, его «дух» и его «тело» не в двух разных, противопоставленных друг другу и дополняющих друг друга образах, как это было в «Легенде» де Костера и во многих художественных творениях прошлого. В Теркине все это живет нераздельно — это одна из его коренных особенностей. И еще важнее другое. Де Костер создавал в XIX веке произведение на материале событий XVI века, привлекая историю, предания, фольклор для утверждения своих прогрессивных идей. Твардовский же писал о Великой Отечественной войне во время Великой Отечественной войны. Его герои были и читателями его, и в какой-то мере соавторами: он опирался на фронтовой фольклор, а «книга про бойца» породила ответные волны «самодеятельной» поэзии (см. в настоящем томе публикацию «Стихи читателей „Василия Теркина“»).

Нет, музы не умолкли при громе пушек. Их голоса были слышны так же явственно, как команда «Огонь!», рождавшая этот гром. Никогда до этого миллионы людей, которые должны были, в представлении посторонних наблюдателей, думать лишь об одном — «быть бы живу», не испытывали такой постоянной потребности в художественном слове. И советская литература сумела удовлетворить эту потребность. В те решающие дни и годы она оказалась одним из самых верных и действенных помощников Коммунистической партии, которая вела народ к победе над врагом. Несмотря на все, что мешало в 30-е годы развитию литературы, она оказалась к началу войны в полной боевой готовности.

Чем это объяснялось?

II

В. Субботин вспомнил в своем «Берлинском дневнике» о любопытном историческом факте: в 1812 г., вместе с войсками Кутузова, двигалась повозка с походной типографией, в штат которой входил поэт В. А. Жуковский. С этого эпизода, по-видимому, и надо вести историю русской фронтовой печати, а «певца во стане русских воинов» считать ее первым литературным сотрудником.

Но у советских писателей были и гораздо более близкие и более поучительные образцы работы писателя на фронте. Здесь достаточно назвать Демьяна Бедного, так много сделавшего для Красной Армии в годы гражданской войны. Казалось бы, эта традиция не могла и не должна была ослабеть в нашей литературе. Страна жила, строила, боролась в условиях капиталистического окружения, а пока это окружение существовало — оставалась и военная опасность. Однако, когда в 1929 г. возник конфликт на КВЖД, писатели оказались не на высоте. Из произведений, которыми они

А. Н. ТОЛСТОЙ СРЕДИ ЛЕТЧИКОВ

Фотография С. И. Лоскутова. Западный фронт, август 1941 г.

Собрание С. И. Лоскутова, Москва

откликнулись на это событие, нашло широкий отклик лишь одно: песня того же Д. Бедного «Нас побить, побить хотели...» А ведь страна могла в любой день и любой час оказаться перед испытаниями значительно более серьезными, такими, которые потребовали бы от нее напряжения всех материальных и духовных сил.

Этот факт и другие свидетельства недостаточного внимания писателей к оборонным задачам советской литературы послужили толчком к созданию в 1930 г. Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ). В работе этого объединения приняли активное участие представители разных литературных организаций — пролетарских писателей и «попутчиков»: Д. Бедный, Вс. Вишневский, Янка Купала, Матэ Залка, А. Сурков, С. Щипачев, В. Саянов, В. Ставский, А. Безыменский, А. Исбах и многие другие. ЛОКАФ стал издавать журналы, посвященные в основном оборонной тематике: в Москве — «ЛОКАФ» (с 1933 г. выходит под названием «Знамя»), в Ленинграде — «Залп», на Украине — «Червоний боець», и выпустил целый ряд сборников. В этих изданиях публиковались произведения о современной Красной Армии, о войнах прошлого, об опасности новой войны. На страницах «Знамени» в предвоенное десятилетие появились такие произведения, как «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Мы из Кронштадта» Вс. Вишневского, «Аэроград» А. Довженко, «На Востоке» П. Павленко, «Тропа самураев» Л. Рубинштейна, «Падение Парижа» И. Эренбурга, рассказы Б. Лапина и З. Хацревина, М. Залки, военные стихи В. Луговского, А. Твардовского, В. Гусева и др. ЛОКАФ посылал писателей в воинские части, на учения, на маневры, готовил кадры будущих военных корреспондентов.

После ликвидации в 1932 г. РАПП и других литературных организаций и создания единого Союза советских писателей был закрыт и ЛОКАФ, а функции его переданы Оборонной комиссии ССП. Вряд ли это решение было вызвано необходимостью. Ведь ЛОКАФ, впервые объединивший в одной литературной организации писателей разных течений и группировок, не имел ничего общего с ликвидированными в 1932 г. организациями и вполне мог продолжать свою деятельность наряду с ССП или в его составе, мобилизуя писателей, журналистов, деятелей искусства на решение оборонных задач. Более того: насущная необходимость в таком объединении чувствуется и сегодня. Совершенно неубедительна мысль о том, что возникновение сейчас организации, подобной ЛОКАФу, могло бы создать не совсем верные представления об основных устремлениях советских писателей и об их отношении к вопросу о неизбежности новой мировой войны. Опыт 30-х годов наглядно свидетельствует о том, что мобилизация внимания деятелей печати, литературы и искусства к оборонным задачам и к фактам, говорящим о военной опасности, не только не противоречит их борьбе за мир, а является одним из условий ее действенности.

Оборонная комиссия ССП с ее творческим активом сделала в предвоенные годы немало полезного, но не смогла в полной мере заменить ЛОКАФ. Впрочем, в действие вступили такие силы самой действительности, которые начали приобщать к военному делу даже самых «мирных», самых «штатских» литераторов. Как сигнал об опасности — опасности для всего человечества — прозвучал фашистский мятеж в республиканской Испании. В сражении с бандами генерала Франко погиб венгерский коммунист, нашедший в СССР вторую родину, — Матэ Залка. Он был первым советским писателем, павшим смертью храбрых в борьбе с фашизмом. На проходившем в июле 1937 г. в осажденном Мадриде II конгрессе Международной ассоциации писателей для защиты культуры приняли участие советские писатели — А. Фадеев, А. Толстой, И. Эренбург, М. Кольцов, Вс. Вишневский и др. Советские люди с огромным интересом читали корреспонденции, присылаемые из Испании М. Кольцовым и И. Эренбургом. Позднее, уже в пору Великой Отечественной войны, И. Эренбург, вспоминая о том, как он ездил по фронтам Испании с передвижной типографией, отмечал: «Я это делал в течение трех месяцев и благословляю теперь это время, потому что это помогло мне делать то, что я делаю теперь, больше, чем вся моя литературная работа. Во-первых, я тогда увидел воочию войну, войну с тем же неприятелем, а затем я научился писать такие короткие вещи...»²

Вскоре военная опасность опалила и советскую землю: японские милитаристы предприняли провокацию у озера Хасан. Вслед за этим еще более серьезные события разыгрались на Халхин-Голе — здесь в боевых порядках советских войск проходили школу военной журналистики К. Симонов, Л. Славин, Б. Лапин, З. Хацревин... В освободительном походе в Западную Украину и Западную Белоруссию приняли участие уже десятки советских писателей. Но особенное значение для подготовки к работе на фронтах Великой Отечественной войны имела начавшаяся в ноябре 1939 и закончившаяся в марте 1940 г. финская кампания. Она была непродолжительной, но трудной, и писатели делили ее трудности с бойцами. Вот когда был открыт список потерь писателей — сотрудников фронтовой печати. Погибли: С. Диковский (он начал путь военного корреспондента во время конфликта на КВЖД в качестве сотрудника корпусной газеты «Отпор»), М. Чумандрин, Б. Левин. Воюя в составе лыжного батальона, пал в бою поэт А. Кошгейн.

Финская кампания принесла не только потери, — она дала богатый, очень пригодившийся позднее опыт, подготовив из среды писателей большую группу военных корреспондентов, работа которых была отмечена первыми боевыми наградами. Возникли редакционные коллективы, продолжавшие свою деятельность позднее, в годы Великой Отечественной войны. Так, например, на базе редакции газеты 7 армии «Боевая красноармейская», в штат которой входили Е. Петров, А. Исабах, Е. Долматовский, М. Слонимский, Л. Рахманов и другие, была создана газета Рижского военного округа «За Родину», ставшая в годы войны органом Северо-Западного, а потом 2 Белорусского фронта (см. обзор С. Савельева). Опыт финской кампании помог газете Ленинградского военного округа «На страже Родины», объединившей особенно много писателей,

достойно выполнять свою роль и позднее, в гораздо более трудную пору ленинградской блокады. Таким образом, к 1941 г. среди советских писателей было уже много «обстрелянных» и имеющих практический опыт работы в военной печати.

И все же главное заключалось не в этой военной и военно-корреспондентской подготовке, а в общей духовной боевой готовности, которая возникала постепенно и крепла в идейных битвах большого международного значения. Огромную роль сыграла литературная и общественная деятельность М. Горького, его воинствующая публицистика, основная направленность которой раскрыта в заглавии сборника его статей, изданного в 1931 г.: «Будем на страже». В одной из вошедших в этот сборник статей М. Горький произнес слова, которые прозвучали очень громко, вызвав отзвук в сердцах миллионов людей в нашей стране и за рубежом:

«Я всю жизнь был „пацифистом“. Война вызывала у меня только отвращение, стыд за людей и ненависть к зачинщикам массовых убийств, к разрушителям жизни.

Но после той героической войны, которую победоносно провел голодный, босой, полуголый наш рабочий и крестьянин, после того как рабочий класс, строя новое, свое государство в невероятно трудных условиях, показал и показывает себя умным, талантливым хозяином, — после этого я тоже убедился в неизбежности смертельного боя. И, если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, — я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что — знаю: именно она победит, а потому, что великое, справедливое дело рабочего класса Союза Советов — это и мое законное дело, мой долг»³.

Цитируя сейчас эти слова, кое-кто толкует их таким образом, что М. Горький считал вторую мировую войну фатально неизбежной и что так же следует думать сегодня о третьей мировой войне нам, если мы не хотим утратить революционную решимость и «предать» горьковскую традицию. Но, не говоря уже о принципиальной разнице в исторической обстановке, надо сказать, что и М. Горький не отрицал возможности предотвращения второй мировой войны. В 1930 г. он писал, обращаясь к рабочим и крестьянам Запада и предупреждая их об опасности «войны еще более ужасной, чем война 1914—18 годов»: «Хотите ли вы этого? Вы в силах не допустить войны. Вы и все люди, которые еще способны понять бессмысленность и преступность новой общеевропейской войны, можете ударить по рукам авантюристов. У вас для этого есть все средства»⁴.

Горький стал одним из самых пламенных борцов за мир, стал вожаком широкого прогрессивного движения, охватившего многие страны. Особенно громко зазвучал его голос, предупреждая об опасности новой мировой войны, после прихода фашизма к власти в Германии. Гитлеровская свора не знала врага более страстного и более непримиримого, чем Горький. И чем больше росла роль Горького как антифашистского трибуна, тем большее значение имело все то, что он делал для мобилизации сил советских писателей на решение оборонных задач.

В декабре 1935 г. он писал А. Суркову, готовившему доклад о советской поэзии для пленума Правления ССП: «...говорить надо об интернациональном значении нашей поэзии, и не только говорить, а делать, делать. У нас за 20 лет нашелся, кажется, один поэт, который понял: „Гренада моя!“⁴. Но не нашлось поэтов, которые воспели бы героиню китайской Красной армии, Вену, Антверпен и т. д., не находится ни одного, в ком оказалась бы сила хлестнуть сатирическим стихом Гитлера, Муссолини и прочих многочисленных мерзавцев <...> Перед нами — неизбежность нападения врагов, перед нами небывалая по размаху война, которую организует сволочь всего мира, выродки истории, паразиты, которым не откажешь в везунтской талантливости, наблюдая их подлость, бесчеловечие, цинизм. Мотивы обороны не волнуют поэтов»⁵. За три недели до кончины М. Горький писал Л. З. Мехлису: «Разоблачение фашистских поджигателей, — мне нечего вам об этом писать, — сейчас крайне важное дело»⁶. Известно, что последними словами великого писателя, которые он произнес перед тем, как потерять сознание, были слова о необходимости готовиться к войне...

К воинскому подвигу советскую литературу готовило проходившее через все 30-е годы, начатое еще М. Горьким, идейное, морально-политическое наступление на мировой фашизм, разоблачение его гнусности и его опасности для нашей страны и для

всего человечества. Пламя этого наступления отражалось не только в разработке оборонной тематики, но и во всем лучшем, что создавалось тогда советской литературой, в утверждении ею главного, что происходило тогда в действительности, — происходило, несмотря на преграды, воздвигнутые культом личности. Этим главным была победа социалистического уклада в нашем государстве, повлиявшая на все стороны его бытия, в том числе — на развитие литературы; на определение ею своих творческих принципов. Назвав свой метод социалистическим реализмом, советская литература подчеркнула тот факт, что социализм в нашей стране стал реальностью, вошел в повседневную жизнь, в быт миллионов людей, и взяла на себя обязательство быть бесстрашно правдивой и воинственно отстаивать социалистические идеалы. Это было очень высокое обязательство, — его ответственность возрастала по мере того, как росла смертельная опасность фашистского нападения.

Выступая в 1939 г. на XVIII съезде партии, М. Шолохов заявил от имени всех советских писателей: «Советский писатель, надо прямо сказать, не принадлежит к сентиментальной породе западноевропейских пацифистов. Если враг нападет на нашу страну, мы, советские писатели, по зову партии и правительства, отложим перо и возьмем в руки другое оружие». Так и поступили многие писатели в 1941 г. И само перо приобрело значение мощного оружия, необходимого для победы, — это тоже предвидели советские писатели и к этому они тоже готовились. Еще в 1934 г., выступая на Первом съезде советских писателей, А. Сурков говорил: «Давайте не будем стесняться, несмотря на возмущенное бормотание снобов, простой и энергичной поступи походной песни, песни веселой и пафосной, мужественной и строгой. Давайте не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек». Писатели глубоко осознавали, какой справедливой будет эта война со стороны советского народа, какой глубоко гуманистический смысл будет иметь его великая миссия в этой войне. Незадолго до Отечественной войны Е. Долматовский писал в стихотворении «Гроза»:

Когда на броневых автомобилях
Вернемся мы, изъездив полземли,
Не спрашивайте, скольких мы убили,
Спросите лучше, скольких мы спасли...

III

Вот как получилось, что советская литература сумела сразу же, с первых же дней, ответить на растущую потребность народа в боевом художественном слове.

А потребность эта росла необычайно быстро. Недаром художественные произведения заняли такое большое и важное место в периодической печати, в работе радио, во всех формах политической работы, которую вела Коммунистическая партия. Отвечая в сентябре 1942 г., на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде, на вопрос: какие формы агитации и пропаганды являются наиболее действенными? — М. И. Калинин назвал особенно понравившиеся ему произведения писателей: очерки, публицистические статьи, пьесы. Недаром даже в самые трудные дни боев, когда были на исходе патроны и сухари, люди так тянулись к газетным пачкам (а их доставляли в числе самых необходимых, первоочередных грузов) — тянулись не только потому, что хотели узнать о положении на других фронтах, но и для того, чтобы прочесть новое стихотворение, новый рассказ. Недаром с такой фантастической быстротой, опережая все средства доставки, распространялись произведения, которые давали нечто важное человеческим душам, полным гнева, боли, тревоги (ни одна оперативная сводка не смогла бы так молниеносно дойти буквально до всех, как дошло симоновское «Жди меня»).

Надо вспомнить и о стремлении многих и многих людей, боровшихся с оружием в руках против озверелых гитлеровских орд, самим попробовать силы в художественном творчестве. Мы знаем, сколько новых писателей вышло из рядов солдат и офицеров

«НАРОД БЕССМЕРТЕН»

Первое полное издание повести
В. С. Гроссмана. М., Гослитиздат, 1943
(на обложке — 1942)

во время войны и после нее, но мы не знаем, сколько их не успело войти в литературу — погибло, не раскрывшись, не сказав того, что они могли сказать.

Но чем объяснялась такая тяга к художественному слову в годину суровых испытаний? Только ответив на этот вопрос, мы сможем понять до конца смысл и значение подвига, совершенного советской литературой в годы Великой Отечественной войны.

Всякая большая война, как и любое тяжелое испытание, требующее напряжения всех сил народа, вызывает в душах миллионов людей потоки бурных чувств. Вызвала их и Великая Отечественная война, причем это были чувства сложные и противоречивые, — их характер становится особенно ясным сегодня, когда перед нами раскрываются дневники, письма, документы военных лет. Говоря о сложности и противоречивости чувств, поднятых войной, надо иметь в виду не настроения растерянности и подавленности. Большинство советских людей не позволило этим настроениям взять верх над их верой в победу. Не овладела большинством и инерция мирного бытия, хотя она еще существовала в первые месяцы войны и не только вдали от фронтов. Был случай, когда редактор одной армейской газеты, не отличавшийся особенным юмором, сумел рассмешить всех: 1 августа 1941 г. он выпустил (это в Действующей армии!) специальный номер, посвященный Международному антивоенному дню. Редактор верил календарям, а они были напечатаны в мирное время. Настроения такого рода весьма успешно преодолевались самим ходом войны, всем ее суровым и грозным характером.

Основная масса советских людей делала и на фронте и в тылу все, что было в ее силах, и даже то, что, казалось бы, превосходило человеческие силы, чтобы остановить врага и отразить его натиск.

Возможно, когда-нибудь историки скажут, что самым главным периодом Великой Отечественной войны был ее самый ранний, самый трагический период и что именно в пору горчайших своих поражений Советская Армия сделала особенно много для

конечной победы. Но, преграждая своими телами путь врагу, совершая бесчисленные героические подвиги, лишь малая часть которых стала известна и еще меньшая воспета, советские воины переживали такое внутреннее борение чувств, сомнений, тревог, которое было иной раз более мучительным, чем тяготы боев и походов.

Люди думали: как мог оказаться враг в чем-то сильнее нас? Каким образом удалось ему осуществить внезапное нападение? Много ли еще таких неожиданностей ждет нас? Почему так мало командиров из числа тех, кто получил опыт и закалку в прошлых военных испытаниях? Как надо расценивать теперь недавно звучавшие заверения, что если нам навяжут войну — она будет проходить «на чужой территории» и «малой кровью»? Много ли еще советской земли придется оставить? Много ли еще будет утрат и жертв, каких могло бы не быть?..

В 1942—1943 гг. был написан сценарий А. Довженко «Украина в огне», впервые публикуемый в настоящем томе «Литературного наследства». Можно по-разному относиться к этому произведению. Возможен и такой взгляд, что в своем стремлении к символизации и в нагромождении картин ранений, смертей, пыток, насилий А. Довженко перешел грань, за которой его выстрадавшее, рожденное кровотокающим сердцем произведение стало вдруг кое-где отдавать искусственностью, сочиненностью. Но нельзя отрицать огромной художественной силы многих сцен «Украины в огне». И нельзя отрицать другого: А. Довженко еще во время войны высказал то, над чем многие тогда лишь начинали задумываться, высказал те сомнения и тревоги, которые были особенно остры во время изображаемого им отступления 1941 г. Покидая при приближении врагов родную хату, старый мудрый украинец Лаврин Запорожец обращается к портрету Сталина: «Прощайте, товарищ. Не думали мы с вами, что так выйдет, да вышло... не малою, большою кровью на <своей> территории<...> Что будет с народом нашим? Выживет он или сгинет, так что и следа не останется на земле? Разгонят его по каторгам, да по лесам, оврагам да гнилым болотам, как волков-сиромых, да натравят друг на друга так, что живые позавидуют мертвым. Горе нам... Народ бессмертен, говорили вы, товарищ мой. Ох, тяжелое наше бессмертие». Сын Лаврина — Иван сталкивается на дорогах отступления с районным «председателем», чиновником, который «привык к своему посту», а к людям глубоко равнодушен, с одним из тех, кто, убегая, возглашает для остающихся «бодрые» лозунги, вроде «Никогда враг не пройдет!». Иван спрашивает у командира Кравчины, что он по поводу таких людей скажет, и тот отвечает: «Скажу, что война будет долгой. И крови нашей прольется намного больше, чем могло б пролиться. И страданий».

Понимали ли деятели литературы и искусства, почему вышло так, что «крови нашей прольется намного больше, чем могло б пролиться»? Были ли они в состоянии ответить на все вопросы, которые мучали во время войны, особенно в первый ее период, миллионы людей? Нет, в полной мере они многого еще не понимали, на многие вопросы ответить не могли. Им еще не были ясны сложные причины, поставившие Советскую страну в самом начале войны перед лицом тяжчайших испытаний; не осознавали они и того, какую роль в ряду этих причин играл культ личности Сталина со всеми его последствиями. В этом отношении писатели и художники не отличались от тех миллионов людей, к которым было обращено их творчество. Так близко подошедший к пониманию многого А. Довженко послал сценарий «Украина в огне» на просмотр Сталину и был поражен, потрясен его ответом, не давшим родиться задуманной киноэпопее.

В повести «Дни и ночи» — на тех страницах ее первой редакции, которые публикуются только сейчас, в этом томе, — К. Симонов сказал верные слова о недостатках подготовки армии: «...пограничники воспитывались так, как, быть может, должна была воспитываться вся армия. Они были всегда начеку». Он сказал здесь верные слова и о вещах еще более сложных, освещая прошлую биографию героя своей повести Сабурова, который решил стать учителем потому, что, по его мнению, в деле воспитания молодежи у нас было немало недостатков. «Особенно его упрепляли в этом убеждении 37-й и 38-й годы — не потому, что ему самому пришлось тяжело, а потому что он видел, как одновременно страдали и в то же время недостойно себя вели многие люди, которых он раньше уважал. В эти годы у людей

ГРУППА ПИСАТЕЛЕЙ — ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Слева направо: А. А. Сурков, К. М. Симонов, О. П. Курганов, Е. Г. Кригер и фотокорреспондент П. А. Трошкин

Фотография П. А. Трошкина. Западный фронт (Смоленская область), июль 1941 г.
Собрание Е. Г. Кригера, Москва

развились два качества, которые потом, постепенно исчезая, все-таки долго еще мешали им жить, — подозрительность и равнодушие...» Но автору повести казалось, что эти качества уже «исчезали», как герою ее представлялось, что страна уже «пережила тяжелую и мучительную болезнь, которая не испортила ее прекрасную душу». Характерны строки: «Сабурову вдруг не захотелось копошиться в прошлом, которое — он чувствовал по всему, что носилось сейчас в воздухе, — было прошлым не только для него, но уже становилось прошлым для всей страны». Было бы несправедливо упрекать Симонова за то, что он разделял иллюзии своего героя: это были тогда общие иллюзии. Гораздо важнее, что он задумался вместе со своим героем над причинами многого, мучавшего миллионы людей, и захотел поделиться этими раздумьями с читателем. Захотел, но вынужден был отказаться от своего намерения: приведенные строки появиться в печати тогда не могли. Эти раздумья остались в подтексте произведения, и разве не таким же подтекстом обладали многие произведения той поры?

В «Письмах товарищу» (тогда немало произведений носило характер письма к товарищу, другу, любимому человеку; даже повести и поэмы стали звучать как монолог одного, обращенный к одному, — ведь самое общезначимое стало самым личным, интимным) Б. Горбатов писал о старике-колхознике Игнате, прозванном Несогласным потому, что долго не шел в колхоз, а придя в него, жаловался «на то, на се, на беспорядки в колхозе»: «Я ушел в бой, а он остался под дубом думать свою думу. Большая это думу, товарищ, о судьбах Родины. Миллионы Игнатов Согласных и Несогласных думают ее сейчас...» Эта думу не приводила к выводу, что теперь, в условиях всенарод-

ной войны, каждый отдельный человек должен окончательно ступеваться, раствориться без остатка в общей массе, знающей лишь общее дело. Напротив, она поднимала самооценку каждого участника Священной войны, каждого, кто вносил свою лепту в спасение Родины. Когда герой повести Б. Горбатова «Алексей Куликов, боец» становится снайпером, он осознает, какое это счастье «видеть, как от твоей пули, от твоей собственной руки падает враг! До той поры Куликов сам себе цены не знал. Он видел: на этой войне люди воюют массами. Что тут один человек значит? Он даже не винтик в машине, он пешка. Но теперь узнал Алексей Куликов цену умелому человеку на войне...» И — не только на войне: разве потом, после одержанной с его помощью победы, мог Куликов поверить, что он — только винтик?

Надо повторить еще раз: писатели еще не осознавали причин всего, что рождало сомнения и тревоги в душах миллионов людей, еще не могли ответить на все их вопросы. Но нечто очень важное, решающее они хорошо понимали и на самый главный вопрос могли дать ясный ответ. Они понимали, что какие бы недостатки и беды ни ослабили нашу страну, все же никому и ничему не удалось — действительно, не удалось — испортить «ее прекрасную душу». И на вопрос «Что будет с народом нашим? выживет он или сгинет?..» — они с глубоким убеждением, которым было проникнуто все, что имеет право называться литературой Великой Отечественной войны, отвечали: не сгинет, выживет, выстоит, победит! Конечно, об этом же говорилось в приказах, воззваниях, речах, во всех формах политической агитации и пропаганды. Но только художественная литература обладала способностью непосредственно вторгаться в ту бурю чувств, которая клочкотала в душах людей. Только она могла объяснить человеку его самого, показать ему на его собственном примере силу и непобедимость нашего строя. А это было необычайно важно. Любой оставленный рубеж можно было отобрать назад, кроме одного: рубежа наших идеалов, нашей веры в них. Его нельзя было отдать врагу ни на один день, ни на один час. Советская литература, выполняя свой гражданский и партийный долг, встала на этом рубеже насмерть, — вот в чем состоял ее главный подвиг.

IV

Как защищала литература этот решающий рубеж? Прежде всего, она стремилась быть правдивой. Перечисляя во введении к поэме «Василий Теркин» все, что необходимо бойцу на войне, А. Твардовский так заключал этот перечень:

А всего иного пуще
 Не прожить наверняка —
 Без чего? Без правды сущей,
 Правды, прямо в душу бьющей,
 Да была б она погуще,
 Как бы ни была горька.

«Василий Теркин» так и написан: это книга про бойца, который переносит все тяготы и опасности ратного труда, зная, что дома у него «догола земля раздета и разграблена», что «всё в забросе» (этой теме была посвящена и другая замечательная, исполненная высокого трагического пафоса поэма А. Твардовского «Дом у дороги»), — про бойца, готового все вынести, через все пройти — раз

Бой идет святой и правый,
 Смертный бой не ради славы,
 Ради жизни на земле.

В стихотворении, написанном в начале ленинградской трагедии, в первом из своих «Писем на Каму», О. Берггольц писала:

Я знаю — далеко на Каме
 Тревожится, тоскует мать.
 Что написать далекой маме?
 Как успокоить? Как солгать?
 Она в открытках каждой строчкой,

Страпась и всей душой любя,
 Все время молит:
 — Дочка, дочка,
 Прошу, побереги себя...
 О, я любой ценою рада
 Тревогу матери унять.
 Я напишу ей только правду:
 Пусть не боится за меня.

Эта правда — в том, что сберечь себя можно лишь одним способом: сберегая свою страну, защищая Ленинград:

— Я берегу себя, родная,
 Не бойся, очень берегу.
 Я город наш обороняю
 Со всеми вместе, как могу.
 Я берегу себя от плена,
 Позорнейшего на земле.
 Мне кровь твоя, чернея в венах,
 Диктует: «Гибель, но не плен!»

Эти простые строки волновали не только ленинградцев, не только им прибавляли сил для продолжения все более тяжелой, все более напряженной борьбы. О. Берггольц создала позднее произведения пронзительной трагической силы — «Февральский дневник» и др. Они все бесстрашно правдивы и проникнуты героическим пафосом. И хотя их писал человек, понесший утраты не только в годы войны, человек, испытавший всю тяжесть клеветы и несправедливости, — эти произведения были заряжены верой в победу и заряжали ею других.

Литература военных лет не преуменьшала той опасности, которая нависла над Советской страной. Она показывала врага в его силе и в его слабости — в силе его злобы, цинизма, алчности, в слабости его идеалов или подобия идеалов. Она вызывала ненависть и одновременно презрение к врагу — против такой горючей смеси не было защиты.

И. Эренбург говорил в своем «творческом отчете»: «В тот момент, когда наши бойцы увидели освобожденные территории в декабре 1941 г., судьба Германии была решена». Это верно: картины, открывшиеся глазам бойцов во время декабрьского наступления, обожгли и закаляли их души, а наша литература сделала многое для того, чтобы эти картины открылись для миллионов людей, чтобы эти миллионы почувствовали всю мерзость и низость преступлений фашистских захватчиков. Но литература делала это и раньше, с самого начала войны, показывая, что несут с собою враги, вторгшиеся в нашу страну. Из множества публицистических статей, очерков, стихов, посвященных этой теме, я назову здесь одно произведение: опубликованное в августе 1941 г. стихотворение С. Щипачева «Ленин». Оно было подсказано реальным фактом. Наши отступающие войска, перейдя в контратаку, отобрали на короткий срок назад город Сольцы, и там бойцы увидели то, что ударило по их сердцам больше всего остального: на площади лежал в пыли сброшенный с пьедестала памятник Ленину. Поэт домыслил увиденное, изобразив этот памятник как «незримой силой поднятый из праха» — поставленный снова на пьедестал партизанами. Это стихотворение говорило с такой силой убедительности, на которую способно лишь настоящее искусство: враг хочет осквернить и уничтожить все самое дорогое для нас, то, чем мы дышим с юности, без чего мы перестанем быть собой...

Сила правды, которую несла в себе наша литература, — правды и в изображении врага, и в изображении многого, что ослабляет наши удары по врагу, — сказалась в полной мере и во время отступления наших войск летом 1942 г. После разгрома гитлеровских полчищ под Москвой, после больших успехов на других фронтах это отступление было особенно тягостным. Еще незадолго до этого, в одном из своих искренних, волнующих «Писем товарищу» Б. Горбатов писал: «Нас теперь не повернешь, не оставишь. Каждый шаг вперед делает нас сильнее. Кто видел виселицы в Ростове, тот не попятится назад. Ненависть вооружает воина. Победа дает крылья». И все же врагу удалось на время остановить наши дивизии и отбросить их назад, отбросить от Ро-

стова, где выросли новые виселицы, и выйти к самой Волге. В опубликованной в октябре 1942 г. повести «Алексей Куликов, боец» (она имела подзаголовок: «Рассказ о солдатской душе») Б. Горбатов рассказывал о «лете 1942 года, о боях на Дону и Кубани, о том, как лавиной навалился враг, а наши войска дрогнули», как кричали вслед бойцам станичники: «Стойте, куда вы, на кого оставляете!», о стыде и горечи — двойной горечи и двойном стыде — этого отступления после первых побед.

Над страной снова нависла смертельная опасность. Было ясно, что враг, сосредоточив огромные силы, предпринимает последнюю отчаянную попытку выиграть войну. Было сделано многое, чтобы добиться решительного перелома: укреплен дисциплина, подтянуты резервы, усилена боевая техника, пересмотрены решения, в которых был допущен стратегический просчет. И большую, очень большую роль сыграла воспитательная работа Коммунистической партии, особенно такие формы этой работы, как печать и художественная литература.

В июне 1942 г. была опубликована «Наука ненависти» М. Шолохова; в июле — пьеса К. Симонова «Русские люди» и его стихотворение «Убей его!», тогда же начала печататься повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен» — первая широкая картина войны, созданная во время войны; в августе появилась «Радуга» В. Василевской, «Нашествие» Л. Леонова, «Фронт» А. Корнейчука (нельзя согласиться с прозвучавшим недавно утверждением, что эта пьеса была написана в оправдание преследований полководцев эпохи гражданской войны: фигура Горлова никак не ассоциировалась с оклеветанными замечательными полководцами, а воплощала в себе явление действительно отрицательное, что становится особенно ясно, когда пьеса берется в контексте событий лета 1942 г.). В сентябре 1942 г. в разных газетах стали публиковаться главы «Василия Теркина».

Некоторые из названных произведений были написаны до отступления 1942 г. и только появились в это время. Но и они оказались необычайно актуальными, так как с новой силой раскрыли звериное существо фашизма и разоблачили — на примере уже пройденных этапов войны — миф о его непобедимости. Пришла пора широких художественных обобщений, и эти обобщения появились вовремя — в один из самых критических и решающих моментов войны. Немало произведений явилось непосредственным откликом на события лета 1942 г., — кроме названных выше, можно еще помянуть добрым словом опубликованный 1 августа 1942 г. в «Красной звезде» и взволновавший тогда многих рассказ А. Довженко «Ночь перед боем». О летнем отступлении 1942 г. рассказал позднее М. Шолохов в главах романа «Они сражались за Родину», которые стали появляться в печати в 1943 г. Даже после того, как участь гитлеровских захватчиков была уже в сущности решена, писатели, воспевая победоносное наступление наших войск, все время возвращались в своих произведениях к первым этапам войны, к тому, о чем нельзя было и не нужно было забывать. Победа пришла нелегко, она была выстрадана, она далась ценой огромных жертв, которых нельзя было простить врагу, и ценой огромных усилий, в которых проявились мощь и непобедимость нашего строя и наших идеалов.

В. Гроссман писал в октябре 1943 г. в очерке «Украина»: «Мы все переживаем удивительное ощущение „воскрешения времени“. Наши армии движутся на Запад теми путями, которыми отступали они на Восток осенью 1941 года. Мы освобождаем города, отданные немцам в страшный август, сентябрь, октябрь 1941 года. Мы идем на Запад не только в пространстве, но и во времени... Освобождены Смоленск, Глухов, Рославль, Полтава, Нежин, Чернигов, и этим наш народ выправил чугунное тысячелетнее колесо времени еще на один месяц, — мы шагаем по сентябрю 1941 года. Вот занят Кременчуг, наши войска штурмуют германский фашизм в Киеве, Днепропетровске, Гомеле, Могилеве, — мы вступаем в август. Недалек день, когда Красная Армия, дойдя до границ, злодейски нарушенных фашистами, торжественно вернет нашему народу и человечеству рассветный час июня двадцать второго дня, тот час, когда моторы германских самолетов завывали в нашем небе и хрустнули пограничные столбы под ударами тяжелолобых танков. В этот день мы окончательно докажем, что фашизму не дано править колесом времени, мы поставим на место календарь и часы истории, мы скажем: украденное зверем время возвращено человеку, разуму, творчеству, труду, истории».

А. ТВАРДОВСКИЙ

Василий Теркин

Не шута, Василий Теркин,
Подумай-ка ты с тобою.
Я забыть того не вправе,
Чем твой обман коварен,
Чем и где плел ты челы,
Дело врагов, час забыл,
Дорог Теркина на войне.
Как же, ну что, его покинул?
Старей дружили верен счет.
Словом, ахнул с сердечки
И качался. А там пойдит.

1. НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот старый,
Что предумал тут ширить
На колесе врага.

Суп — во первом. Во втором,
Ишу и жарю прощай.
Нет, старик он был старик
Чужой — это так.

Слышь, поехали гит одну
Ласочку такую,
Я вступую, брат, войну...
Да индей дружок.

Что мне завтра предстоит
Это неизвестно.
Тылаю и себя appetite
Но забил под брестом.

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...
Пожалею еще чужих...

ПОЭМА

Одевшись, погуляй потно,
Закура и в из не дух.
Хуже, брат, как покаранный
Вороты начнется сабантуй.
Тот пробьет тебе поглаубе,
Землю-капусту целую.
Но, няй а инду, голубчик,
Этэ — средный сабантуй.

Сабантуй — тебе нука,
Вот интуй — сам интуй.
На сабантуй инка шутка
Этэ — газонный сабантуй.

Парень споминул на минутку,
Чтоб промечтать кулашутука,
Словам несподобил кому-то
Подмигнул: дерзнуть, дружок...

— Вот ты вышел спозаряку,
Глушай, — и по пуб тебе
и а дома:
Прут нехорошо тышо тенова...
— Тыща танка? Ну, брат,
арте.

И принцип и человек сырой,
Одним четкий.
И лемент он, мой герой,
Спит себе, как царю.

Свят — хать голодец,
хоть сит,
Свят — хать голодец,
Свят — хать голодец...

И еваз бы герою санитя
Вспой ночью танкист оим,
Как от заглядной границы
Отступил в восток оим.

Нам пришел он, Васк Теркин,
Из заласа вражой,
Сотни арет залои розной.

До чего земля бильшая,
Вильшая земля,
И была с оим чукал
Чья-нибудь. А то — саж.

Снит герой, здралит — и точка
Принимает все, ах есть.
Но, свих — так это в точно.
Но, мойка — так и же дель.

Снит, забив о труден лет,
Сон, работа, но бунтуй
Монет, заплата на рассвете
Будет новый сабантуй.

Снит бойш, как сон застал,
Под осном алопай.
Часыны на постое
Минуту ованко.

Зем не видан. Ночь возруг,
И бойш, выругисте.
Только что ты вимонит ардур,
Вимонит, уругисте.

И как будте сон пропал,
Свих прогнал земту...
— Хорошо, что он пелла,
Теркин, а нашу роту.

Теркин — кто же он такой? —
Словам отпробовно:
Посто плерны см собой
Он обимчоненный.

Теркин — кто же он такой? —
Словам отпробовно:
Посто плерны см собой
Он обимчоненный.

Теркин — кто же он такой? —
Словам отпробовно:
Посто плерны см собой
Он обимчоненный.

Теркин — кто же он такой? —
Словам отпробовно:
Посто плерны см собой
Он обимчоненный.

Теркин — кто же он такой? —
Словам отпробовно:
Посто плерны см собой
Он обимчоненный.

Теркин — кто же он такой? —
Словам отпробовно:
Посто плерны см собой
Он обимчоненный.

Теркин — кто же он такой? —
Словам отпробовно:
Посто плерны см собой
Он обимчоненный.

Теркин — кто же он такой? —
Словам отпробовно:
Посто плерны см собой
Он обимчоненный.

— А с чего мне врать,
дружичек?

Рассуди. Какой расчет?
— На земем же крозу — тыщай?
— Хорошо. Пускай летит.
— Ну, летит, Снажи

по чести,
Не жуль, как старый бой.
— Идуя. Чи, тем, треста,
дрести —

Повстречай один зота б...
— Что он, в газетке музуй
почет?

Не бегит в мусть да в хаб.
Он-то с инду гравис проклян.
А на деле гута и спел.

— То-то спел. Ленишь
и жалею.
А на горде жидит:
Ворут как се спелу здралит...
Ведь не индет ин черта...

Повторить согласен синоз:
Что же земем — не тешуй.
Сабантуй — одна яльн слово —
Сабантуй. Но сабантуй

Мажет в голову ударит
Мил, попристу, и башку.
Вот у нас один был парен...
Дай-ка, что ли, забучку...

Балгурет снарват а рет,
Словам явлет мажно.
Хорош, когда нте арет
Весело и склане.

Варочек, парень хать пуб.
Парень в этом роде
В каждой рате есть всегда,
Да и в каждом взводе.

Геворут, шуткин легкой,
Селон, добрый малый,
Арут товарищ дорогой
И башу бильшой.

И чтоб знали, чем смикс,
Словам отпробовно:
Нюшотом маделон.
Не был он отманой.

Не высок, но то, чтоб мил,
Но герой-герой.
На Паросисон воюет —
За своей-Бестрою.

И не знаю, почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали маделон.

С этой тьмы повернет,
Самикс, для пощай.
Монет, а списко наградон
Вимонит опечка.

Но гляди, что не грудн.
А горди, что вправн.

С крестологонетого инкал
Синва Теркин на войне.

— Видно, бойш, как пуб
Но залоше все по ине.

Был мальчик задат в атаке,
Замело, как на собаке.
Трицеди был а окулем,
Трицеди — вот ин!

И кто был бесконный —
Сказавши инвардон
Под маделон и под гресалонный
Под заласонным и горичным.

И не раз в пути привичонен
У доро, в пылю доломн.
Был расселин в частини,
А частично инстрибран.

Но, орман,
Мил, волю,
И кухне с нестя с нестя в бой

Курит, ах и пьет то смикс
На постое любой.

Как ни трудон, как ни худ —
Но сравай, вперед глудн.

Этэ принаказе плеруд,
Сказавши вперед глудн.

(Продолжение следует).

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Первая публикация поэмы А. Т. Твардовского (начало).
«Красноармейская правда», 4 сентября 1942 г., № 245

Рисунки О. Г. Верейского

Литература Великой Отечественной войны — это, прежде всего, литература о народной трагедии и о праведном гневном народе, гневом, который спас нашу Родину и все прогрессивное человечество. Когда повесть В. Василевской «Радуга» была экранизирована режиссером Марком Донским и фильм был показан в США — он вызвал там острую полемику. Нашлись американские критики, которые заявили, что в «Радуге» слишком сгущены краски с целью вызвать ненависть к врагу и что советские писатели вообще слишком напирают на ненависть, забывая о милосердии. Прогрессивные деятели США дали отпор таким выступлениям, заявив, что если бы не гнев, охвативший миллионы советских людей, Гитлер уже готовился бы к высадке в Америке. Фильм «Радуга» был награжден премией «Оскар», президент США Рузвельт послал приветствие его создателям. Но вдумаясь в этот эпизод: еще не кончилась война, еще лилась потоками кровь наших людей — лилась так обильно из-за оттяжки открытия «второго фронта», — а американские реакционеры уже начали говорить о милосердном отношении к фашистам! Они призывали протестовать против «неистовства» А. Толстого и И. Эренбурга — опять-таки во имя «милосердия». Сколько любви к человечеству было в этом «неистовстве» и сколько ненависти ко всему прогрессивному — в том «милосердии»!

Перечитывая сейчас лучшие произведения, написанные в годы Великой Отечественной войны, ясно видишь, как неразделимы в них ненависть и любовь. Герой шолоховской «Науки ненависти» лейтенант Герасимов говорит: «И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: „В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань“, а вот у нас они впряжены и здорово тянут!» И дело было не только в том, что ненависть к врагу питалась любовью к родной стране, к родному народу. Эта любовь была шире: она распространялась и на жизнь, труд, культуру других народов, которым угрожал фашизм. Она не позволяла даже народы воюющих против нас стран, их веками складывавшуюся культуру отождествлять с их военной, с правящей фашистской кликой. В стихотворении М. Светлова «Итальянец», написанном в самый разгар войны, звучат и беспощадная ненависть к врагу:

Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

и смешанная с презрением жалость к привезенному на убой «молодому уроженцу Неаполя», и восхищение Италией — «священной землей Рафаэля...» Автор «Гренады» остался верен интернациональной теме, интернациональному пафосу нашего искусства.

В годы военных испытаний люди думали о самом большом, о том, что принято называть общечеловеческим — о жизни и смерти, о любви и ненависти, о страхе и бесстрашии, о верности и предательстве. Эти проблемы стали непосредственно касаться каждого, возникая перед каждым в повседневной боевой обстановке, требуя от каждого выработать отношение к ним не только в сознании, но и в жизненной практике. Обо всем этом говорила наша литература: великая трагедия народа и его бессмертный героизм обращали ее к «вечным» проблемам искусства, придавали ей философскую глубину, усиливали в ней подлинный, не показной оптимизм. Много ли было в пору войны произведений, в которых не вспоминалось бы о смерти? В популярной песне говорилось, что «до смерти четыре шага», но речь в ней шла не о силе смерти, а о том, что даже близкая смерть слабее далекой, согревающей из дальней дали любви. В «Василии Теркине» есть целая глава на эту тему — «Смерть и воин», и, пожалуй, ни в какой другой части поэмы не звучит так мощно гимн жизни.

И все эти проблемы — жизни и смерти, любви и ненависти и другие — неотделимы в литературе поры Великой Отечественной войны от задач защиты Родины и разгрома фашизма, от борьбы за коммунистические идеи и идеалы. Иначе и не могло быть в литературе, составившей такое монолитное целое со своим читателем. Эта литература и раньше знала читателя-друга, теперь она узнала читателя — боевого друга, в сознании которого все общечеловеческое приобретало острейший политический смысл, а вся по-

М. Г. ЭРЕНБУРГ БЕСЕДУЕТ С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АЛЕКСАНДРОМ МОЛОДЧИМ
У летчиков 2 гвардейского полка Авиации дальнего действия в день вручения полку
гвардейского знамени

Фотография А. Л. Лесса, 29 сентября 1942 г.

Собрание А. Л. Лесса, Москва

литика поднималась до высоты общечеловеческих интересов. На такой почве не могли не родиться произведения, отвечающие самым насущным потребностям времени и двигающие вперед искусство. И они родились, внеся много нового в нашу литературу, обогатив новыми ценными чертами ее патриотическую сущность.

Сравним хотя бы «Молодую гвардию» А. Фадеева, одно из самых значительных произведений о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с фадеевским же «Разгромом», одним из самых значительных произведений о гражданской войне. Какой вопрос больше всего волновал Фадеева, когда он создавал «Разгром»? Это был вопрос огромного значения, решающий не только для периода гражданской войны, но и для той поры, когда создавался роман. Смогут ли люди, сформировавшиеся в условиях капиталистического строя, несущие на себе груз его пережитков и ничем не напоминающие «ангелов», «идеальных» героев, отстоять революцию и построить на освобожденной от врагов земле новую жизнь? Писатель отвечал всем содержанием, всем пафосом, всей образной тканью своего произведения: смогут! Смогут именно потому, что они — не «ангелы», что они закались в тяжелой борьбе с капиталистическим строем, что именно борьба против старого мира и за утверждение нового строя внутренне очищает и преобразует людей. А в «Молодой гвардии» Фадеев ставил уже другой вопрос, не менее важный для нового исторического периода: как случилось, что люди, сформировавшиеся в условиях нового, социалистического строя, не знавшие неравенства и эксплуатации, не знавшие никакого классового господства над собой, люди, казалось бы, совершенно не подготовленные к борьбе с озверелым, не признающим никаких нравственных норм, оскверняющим все святое врагом, — оказались сильнее врага и победили его? Писатель отвечал: именно в нравственной чистоте новых людей, именно в их человеческой красоте, созданной миром социализма, коммунистическими идеалами, и заключен источник их силы и непобедимости.

Никто не способен воевать так бесстрашно и самоотверженно, как мирные люди, когда плодам их труда, их творчества, их героических усилий начинают угрожать за-

хватчики. Никто не может быть таким неистовым в гневе, как добрые люди, когда убийцы поднимают руку на то, в чем воплощено высшее благо для человечества, залог его счастливого будущего. Ощущение красоты и мощи достигнутого советским народом, ощущение необратимости тех исторических перемен, которые внесла в жизнь человечества победа социалистического строя в нашей стране,— вот что выразила с особенной остротой и силой литература военных лет. Вот что было в ней самым главным. И вот что делает до сих пор такими ценными и такими действенными ее традиции.

Когда советская литература периода Великой Отечественной войны будет освещена во всей полноте, станет ясно, что за сравнительно небольшой срок — за четыре года (но каких четыре года!) — она прошла через несколько этапов своего развития.

После грандиозной Сталинградской битвы и других решающих сражений в произведениях советских писателей стал громко звучать торжественный мотив победы. Он звучал и раньше — вера в победу была важнейшей особенностью нашей литературы с первых же дней войны. Но теперь уже можно было и нужно было раскрывать историческое значение этой победы. Пришла пора задуматься над ее причинами и над тем влиянием, которое она должна оказать на весь дальнейший ход истории. Рассказывая в 1944 г. в книге очерков о том, как осуществляет Советская Армия свою освободительную миссию, Л. Соболев назвал эту книгу: «Дорогами побед». Так можно было бы назвать многие произведения, созданные в то время. И почти во всех ставился вопрос — тот самый вопрос, который был поставлен в «Молодой гвардии»: каковы те качества советского человека, которые сделали его победителем в величайшей из войн и которые позволят ему одержать такие же победы на мирных фронтах — по пути к полному торжеству коммунистических идеалов?

Этот вопрос оставался и во многих произведениях, начатых или задуманных во время войны, но появившихся позднее: «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Спутники» В. Пановой, «Звезда» Э. Казакевича и др. Характерно, что Б. Полевой писал свою повесть, в которой дан один из самых ярких положительных образов послевоенной литературы, в дни Нюрнбергского процесса, где присутствовал в качестве представителя советской печати. Чем яснее становились размеры той опасности, которую представлял для человечества фашизм, тем величественней вырисовывался образ советского человека-победителя, спасшего мир от рабства и гибели.

Военная тема осталась в нашей литературе и после войны одной из самых важных и ключевых. Наши писатели обращаются и будут обращаться к трагической и героической поре войны, когда были подвергнуты самому тяжелому экзамену — и с честью его выдержали — советский строй, советская идеология, советский человек. И дело не только в военной теме — вся наша литература и все наше искусство озарены сиянием великой победы, определившей судьбу человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Появились первые книги, в которых сделаны попытки осветить литературу этого периода: П. Куприяновский и П. Шамес. Русская советская литература периода Отечественной войны. Изд. 2, М., 1963; И. Кузьмичев. Жанры русской литературы военных лет. Горький, 1962, и др. В последнее время вышли издания, посвященные литераторам, погибшим на фронтах Отечественной войны: «В редакцию не вернулся...», М., 1964; «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» (Большая серия «Библиотеки поэта»), М.—Л., 1965. Но у нас еще нет книги, в которой история советской литературы 1941—1945 гг. была бы глубоко исследована в связи со всем ходом войны.

² Творческий отчет Ильи Эренбурга (стенограмма), 11 января 1943 г. (ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 129, л. 7 об.).

³ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 25, стр. 48—49.

⁴ Там же, стр. 233.

⁵ Там же, т. 30, стр. 412—413.

⁶ Там же, стр. 443.